

Статус: Занята

Патьяна Дубинина

Татьяна Дубинина
статус: занята

«Автор»

2026

Дубинина Т.

статус: занята / Т. Дубинина — «Автор», 2026

Он - генеральный директор. Она - лучший руководитель филиала. Он красив, успешен, богат и свободен. Она умна и прекрасна, но на безымянном пальце сверкает кольцо. Встреча на деловой конференции в Сочи становится для них переломным моментом жизни.

© Дубинина Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	18
Глава 8	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Татьяна Дубинина

статус: занята

Глава 1

Сочи встречал жарой, морем и обманчивым ощущением, будто ты на каникулах, а не на конференции сети «Арктика Продукт», где каждый улыбающийся участник – на самом деле воин управленческого фронта. Но Лада знала: здесь, под пальмами и под аккомпанемент шипящих бокалов игристого, решаются судьбы квартальных бонусов и карьерных лифтов.

Она шагнула из такси в лёгком льняном платье цвета морской пены, придерживая чемодан одной рукой и сжимая в другой телефон с пятью непрочитанными сообщениями от регионального координатора. На ней не было макияжа, кроме слегка подкрашенных ресниц и блеска на губах – зачем? Она знала, что её сила не в этом. Её сила – в цифрах. В том, как она вытащила камчатский филиал из красной зоны в топ-1 за год. В том, как переформатировала логистику, внедрила систему мотивации, от которой даже самые ленивые дистрибьюторы в Петропавловске-Камчатском просыпались в шесть утра с мыслью о премии.

– Лад, ты где? – раздался сонный голос из-за спины. – Кажется, у нас номер на третьем этаже. И, эээ... не знаешь, казино тут, прямо в нашем отеле?

Лада не обернулась. Это был Валера – её жених. Точнее, человек, обручальное кольцо которого она носила уже пять месяцев, хотя свадьба постоянно откладывалась «до лучших времён» (а лучших времён, как водится, всё не было). Он подошёл, зевая, в мятой футболке и солнцезащитных очках, будто только что проснулся... в самолёте спал всю дорогу, пока она доделывала презентацию.

– Нет, в соседнем отеле, – сухо ответила она. – Но тебе лучше сначала зарегистрироваться и переодеться. Через два часа открытие конференции.

– Ага, конечно, – он потянулся и зевнул снова. – Главное – не пропустить фуршет. Говорят, тут и крабы, и устрицы. Или это в презентации твоей?

Лада не ответила. Она уже шла к ресепшену, чувствуя, как внутри всё сжимается. Она ненавидела, когда он так себя ведёт. Особенно перед важными событиями, когда она представляет не просто себя – а весь филиал, всю команду, которая месяцами работала ради этого дня.

В фойе отеля уже собрались гости: в строгих костюмах, с бейджами, с телефонами, на которые они поглядывали каждые тридцать секунд. Среди них легко было узнать его – даже не по фотографии из корпоративного журнала, а по тому, как все вокруг как будто чуть выпрямлялись от его присутствия.

Алексей Громов.

Генеральный директор холдинга. Тридцать пять лет. Самый молодой топ-менеджер в отрасли. Ходили слухи, что он начал с продавца в провинциальном магазине, в пригороде Сочи, а теперь держит в руках сотни миллионов. Говорили, что он не терпит компромиссов. И что он лично выбирал лучших для программы «Лидеры региона» – в которую попала Лада.

Он стоял у панорамного окна, чуть в стороне от толпы, в тёмно-сером пиджаке без галстука, с бокалом воды в руке. Его взгляд скользнул по залу – и на миг задержался на Ладe. Она почувствовала, как по спине пробежал лёгкий озноб. Не от страха. От узнавания.

Он знал, кто она. Они несколько раз общались по видеосвязи, когда он собирал региональных представителей на совещания, в живую – это был первый их контакт. И сегодня он ждал от неё большего, чем просто красивый слайд про «локальный маркетинг». Её презентация должна быть лучшей.

– Лад, ну чего ты стоишь? – Валера появился рядом, уже с ключ-картой в руке. – Пойдём, посмотрим номер. А потом... я быстро схожу в казино – успею до ужина.

Она посмотрела на него. На его ленивую улыбку. На его небритый подбородок. И впервые подумала: а зачем я вообще это терплю?

Но слова ему не сказала. Просто кивнула и спокойно пошла.

Глава 2

Номер оказался просторным, с захватывающим видом на горы. Лада автоматически повесила платье в шкаф, поставила чемодан туда же. Валера швырнул свою спортивную сумку в угол и, не снимая очков, плюхнулся на кровать.

– Ну что, начальник, расписание огласишь? – спросил он, уставившись в потолок.

Лада вздохнула. Она стояла у окна, и солнечный свет выхватывал из её каштановых волос медные нити – она так и не успела их уложить перед поездкой. Волосы цвета тёплого шоколада, как часто говорил... раньше говорил Валера. Теперь он вряд ли вообще замечал.

«Двадцать девять, – промелькнуло у неё в голове. – Скоро тридцать, карьера взлетает, а личная жизнь – это вот он. Человек, который больше всего на свете ждёт фуршета».

– Расписание простое, – голос её звучал ровно, деловито. – Через полтора часа – открытие. Доклады и презентации лучших представителей. В семь – ужин для участников программы «Лидеры». И на сегодня – всё.

– А казино? – Он приподнялся на локте.

—Казино работает круглосуточно. Ты разберёшься.

Она повернулась к нему. Сняла туфли. И почувствовала, как кольцо на пальце внезапно стало давить. Оно было красивым, с небольшим бриллиантом. Пять месяцев назад, когда он делал предложение в том самом ресторане с видом на бухту, оно казалось лёгким как пух. Теперь оно весило тонну.

Она помнила каждую деталь того вечера. Как он нервничал. Как дрожали его руки, когда он открывал коробочку. Как говорил о «новой главе», о «настоящей команде», о том, что она – его победа. Лада, которая на переговорах видела ложь за версту, тогда поверила каждому слову. Ей так хотелось верить. Хотелось семьи, своего тёплого мира помимо холодных цифр отчётов. Она думала, он – тот самый надёжный тыл, партнёр, который будет гордиться ею.

А он... расслабился. Как будто, заполучив статус «жених», поставил галочку и перешёл к следующему, более лёгкому уровню. Compliments сменились шутками «про кухню», цветы – бутылкой пива, которую он потягивал, уставившись в телевизор. Романтические ужины – посиделками с его друзьями.

Она наблюдала за ним сейчас: он листал что-то в телефоне, усмехаясь уголком рта. Тот же мужчина. Те же черты, которые когда-то казались ей такими мужественными: чуть грубоватое, рельефное лицо, широкие плечи. Оболочка была той же, а содержимое... как будто подменили.

– Лад, а помнишь, как мы познакомились? – внезапно спросил он, не отрываясь от экрана. Сердце ёкнуло. «А помнит ли он?»

—Ты опоздал на планерку на сорок минут, – сухо сказала она. – И влетел в зал с таким видом, будто сорвал джекпот.

—Ага! – он засмеялся. – А ты сидела во главе стола, вся такая строгая, в этой чёрной блузке. Глаза – как у разъярённой кошки. Карие, блестящие. Я тогда подумал: «Вот это да. Таковую не купишь ни за какие бонусы».

Он посмотрел на неё поверх очков. На секунду в его взгляде мелькнула искра того самого, прежнего Валеры – нагловатого, заряженного на победу. Того, кто неделями осаждал её, забрасывал сообщениями, дежурил у офиса с горячим кофе в морозное утро.

– И что же ты думаешь сейчас? – спросила Лада тихо, почти шёпотом.

Он поймал её взгляд, помолчал. Искра погасла.

—Сейчас думаю... что ты всё та же. Серьёзная. А я, наверное, устал... – он зевнул и потянулся. – Ладно, пойду-ка я, покручу рулетку. Освоюсь. Не скучай.

Дверь за ним закрылась с тихим щелчком. Лада осталась одна в тишине номера, нарушаемой только гулом кондиционера. Она подошла к зеркалу. Карие глаза смотрели на неё с немым

вопросом. «Красивая, стройная, умная. Могла выбрать любого. И выбрала того, кто перестал за тебя бороться, как только получил статус жениха. Зачем он тебе нужен Лада? Чтобы просто не быть одинокой?»

Ответ был прост и печален: потому что, она уже дала ему слово. Потому что уже нарисовала в голове идеальную картину – дом, дети, вечером они все ждут его дома, пекут печенье и готовят вкусный ужин. И разорвать эту картину было страшнее, чем день за днём наблюдать, как она выпцветает.

Она вздохнула, расправила плечи. Через час – открытие. Через пару часов – её презентация перед Грозовым. Здесь она всё ещё контролировала ситуацию. Здесь она была не невестой, терпящей пассивную агрессию, а Ладой Сергеевной Крыловой, лучшим региональным менеджером.

Она открыла ноутбук. Запустила финальную версию презентации. На экране вспыхнули графики роста, фото с рыбозавода, фото из их фирменных магазинов, лица её команды. Мир, который она выстроила сама. Мир, где всё было честно: вложил силы – получил результат.

Её взгляд упал на экран телефона. Там, среди уведомлений с работы, одиноко висело сообщение от мамы, отправленное ещё утром: «Дочка, как вы там? Поцелуй Валеру от нас. Ждём вас на юбилей! Наконец-то ты скоро выйдешь замуж! Мы так за тебя рады!» Лада быстро погасила экран, словно обожглась.

Она встала, решительным движением подошла к мини-бару, достала маленькую бутылку воды. Сделала несколько глотков, глядя на горы. Нет. Сегодня не день для слабости. Сегодня день, чтобы быть железной. А всё остальное – этот тяжёлый вздох, эта пустота под рёбрами, это кольцо, врезавшееся в палец, – всё это она отложит. Как откладывала свадьбу. Как откладывала «разговор по душам», в долгий ящик, ключ от которого, кажется, потеряла именно она.

Остался час. Ровно столько, чтобы превратиться из уставшей женщины с тяжёлыми мыслями в того самого «лидера региона», которого уважает вся Камчатка. Она кивнула своему отражению и направилась в душ. Прохладная вода должна была смыть всё лишнее. Только цифры. Только цель. Только победа. Всё остальное – потом.

Глава 3

Презентация Лады Крыловой была безупречной. Чёткой, как метроном, глубокой, как камчатские шельфы, и при этом поданной с такой холодной, почти хирургической страстью, что к концу в зале стояла тишина, полная не почтения, а легкого шока. Она не продавала успех – она предъявляла факт. Вот была яма. Вот цифры. Вот мои решения. А вот – результат. Без пафоса, без самовосхваления. Только железная логика и воля.

Алексей Громов сидел в первом ряду, откинувшись на спинку кресла. Рука с дорогой ручкой замерла над блокнотом, где он вывел лишь одну фразу: «Логистика через „Морпорт“ – гениально и просто. Почему не предложили раньше?»

Он не делал больше пометок. Он просто смотрел. Слушал. И ловил себя на мысли, которая, будучи озвученной, разрушила бы все корпоративные принципы, которые он же и внедрил: Как невероятно повезло тому парню в мятой футболке.

Пять месяцев назад он впервые увидел её на видео совещании в Zoom. Её квадратик всплыл на экране его ноутбука, когда она задавала вопрос по отчётности. Не из рабочего кабинета, а из домашнего, судя по книжным полкам и комнатным цветам на заднем плане. Волосы цвета тёмного шоколада были собраны в небрежный пучок, на лице – сосредоточенность. Она говорила о потерях при транзите, а он, к своему удивлению, на секунду выпал из дискуссии, отметив точёную линию скулы и карие глаза, которые даже через плохую связь смотрели прямо и без робости.

А потом камера показала её руки, жестикулирующие при разговоре. И он увидел кольцо. Неброское, но однозначное. Обручальное. В тот же миг в его голове щёлкнул внутренний тумблер. «Вне зоны доступа», – мысленно пометил он её досье. Запретил себе даже мимолётные мысли, отнёс в категорию «ценный кадр» и надёжно отгородил профессиональной дистанцией. Так было правильно. Так было безопасно. Для дела. Для его репутации беспристрастного лидера.

Но сейчас, глядя, как она уверенно парирует каверзный вопрос финансового директора, ловко обращая его же аргументы в свою пользу, Алексей чувствовал, как эта дистанция болезненно сжимается.

Он устал. Не от работы – работа была его кислородом. Он устал от... пустоты. От возвращения в тишину пентхауса, где безупречный светлый интерьер отражал любое тепло. От разговоров, в которых слышал только оценку его решений, а не его самого. В тридцать пять он достиг всего, о чём можно было мечтать в двадцать. И с вершины этой победы открывался странный пейзаж: он был архитектором империи, которую некому было передать.

Он хотел детей, – пронеслось в голове с внезапной, почти физической остротой. Не абстрактное «семья», а именно детей. Наследников не денег, а дела. Ума. Этой самой воли, которая светилась сейчас на экране. И женщины рядом, которая была бы не декором, не тихой гаванью, а... равноправным капитаном в шторм. Союзником. Женщины вроде неё.

Его взгляд сам собой нашёл в полутьме зала того самого парня – Валеру. Тот сидел, развалившись, и листал что-то в телефоне, подсвечивая себе лицо голубоватым светом. Над ним будто висела невидимая табличка: «Человек, не понимающий ценности того, что держит в руках».

В душе Алексея, всегда контролируемой и расчётливой, шевельнулось что-то тёмное и иррациональное. Не просто недоумение. Горячее, обжигающее чувство, похожее на глупую, подростковую ревность. К этому равнодушию. К этой возможности быть рядом с ней каждый день и видеть не графики и стратегии, а просто – проснувшееся лицо, улыбку за чашкой утреннего кофе, усталость в конце дня...

Лада завершила выступление. Зал взорвался аплодисментами – на этот раз искренними, даже от скептиков. Она кивнула, собрав бумаги, и сошла с подиума. Её взгляд на секунду скользнул по залу и, казалось, встретился с его. Алексей не отвёл глаз. Кивнул – коротко, по-деловому. Мол, «хорошая работа». Всё, что он мог себе позволить.

Она ответила таким же деловым кивком и направилась к своему месту, к тому парню, который наконец оторвался от телефона, чтобы что-то сказать ей, видимо, шутку, судя по его ухмылке.

Алексей отвёл взгляд, сжав челюсть. Внутренний монолог был закончен. Факты установлены: она блестящий профессионал. Она занята. Он – её гендиректор. А ещё он – человек, который только что с абсолютной ясностью осознал, чего хочет. И эта ясность была хуже любого поражения на переговорах. Потому что здесь, в этой тихой войне чувств, не было ни тактики, ни логики, ни правильного слайда, который мог бы изменить расклад сил. Был только холодный, неоспоримый факт, который он, Алексей Громов, ненавидел больше всего на свете: не твоё, забудь.

Глава 4

Воздух в конференц-зале после её выступления казался иным – заряженным, вибрирующим от оваций. Лада спускалась со сцены, и каблучки её лодочек отстукивали чёткий ритм на паркете, будто ставя точку в каждом предложении её блестящей речи. Кожа на щеках горела лёгким жаром, не от прожекторов, а от всплеска адреналина, этой чистой, кристальной радости от хорошо сделанного дела. Она уловила восхищённые взгляды, кивки уважения, даже лёгкую зависть в глазах коллег-конкурентов – и позволила себе вдохнуть это чувство победы полной грудью. Оно было её, честно заслужено.

Именно поэтому, как ножом по шёлку, её разрезало другое знание. Знание, что в третьем ряду, у прохода, сидел человек, для которого этот триумф не значил ровным счётом ничего.

Её взгляд сам нашел Валеру ещё на последнем слайде. Он не смотрел на экран, не смотрел на неё. Яркий экран его телефона освещал снизу равнодушное, погружённое в какой-то бесконечный скроллинг лицо. Он даже не притворялся, что слушает. Это был не просто провал поддержки – это было публичное, пусть и тихое, унижение.

Зато другой взгляд она чувствовала физически, всем существом – тяжёлый, сконцентрированный, тёплый. Алексей Громов. Он не аплодировал шумно, не улыбался. Он просто смотрел. С первого ряда, будто изучая не отчёт, а сам его источник. И в этом внимании, лишённом обычной корпоративной сдержанности, было что-то такое, от чего по спине побежали мурашки, а в животе зародился странный, тёплый комок трепета. Это было признание иного, высшего порядка. И оно, это немое восхищение сильного соперника, делало равнодушные самого близкого человека вдвойне невыносимым.

Она подошла к своему месту, всё ещё в ауре успеха, с лёгкой, почти невесомой улыбкой.

– Ну что, герой дня? – Валера наконец оторвался от телефона, закинув ногу на ногу. В его голосе не было ни тепла, ни гордости. Была плохо скрытая, кислая интонация. – Показала всем, где раки зимуют. Теперь, наверное, Громов тебе личный лифт до самой Камчатки проложит.

Лада медленно, словно в замедленной съёмке, опустила папку с материалами на стул. Каждое его слово падало на раскалённую душу ледяной каплей.

– Это была презентация работы всего нашего филиала, Валера, – сказала она тихо, но чётко, глядя ему прямо в глаза. – Не моя личная победа. Наша общая.

– Ага, общая, – фыркнул он, доставая из кармана жакета пачку жвачки. – Особенно общая, когда все тут только и спрашивают: «Это та самая Крылова с Камчатки?». Тебя, Лад. Не «их». И уж точно не меня.

В его тоне сквозила обида маленького мальчика, которого забыли похвалить. Но за этой обидой стояло нечто большее – зависть. Тупая, беспомощная зависть к её силе, к её успеху, которую он уже не мог, а может, и не хотел скрывать.

– Ты даже не слушал, – вырвалось у неё, прежде чем она успела сформулировать мысль вежливее.

– А зачем? – он пожал плечами, разворачивая пластинку. – Я и так знаю, что ты умница. Суперзвезда. Мне, в общем-то, и в тени твоей славы неплохо.

Это было настолько цинично, настолько откровенно, что у Лады перехватило дыхание. Она стояла, сжимая спинку стула, и чувствовала, как тот самый тёплый комок трепета от взгляда Громова замерзал и тяжелел, превращаясь в ком горечи где-то в горле.

В этот момент к ним приблизилась небольшая группа коллег. Мужчина из питерского офиса, Олег, с восхищением в глазах первым протянул руку.

– Лада Сергеевна, блестяще! Честно, мы в своём регионе полгода бились над аналогичной проблемой с логистикой. Разрешите позже проконсультироваться?

– Конечно, Олег, с радостью, – её профессиональная улыбка включилась автоматически, голос снова стал собранным и уверенным.

Валера встал, отодвинув стул с таким скрежетом, что несколько человек обернулись.

—Пойду, воздухом подышу. А то тут... душно как-то стало.

Он ушёл, оставив её одну в кругу восхищённых людей. Она улыбалась, отвечала на вопросы, кивала, но её мысли были там, за стеклянными дверями зала. И тут, краем глаза, она увидела его.

Алексей Громов стоял у бара с бокалом минеральной воды, беседуя с финансовым директором. Но его взгляд, тёмный и неотрывный, был прикован к ней. Он поймал её глаза, и в этот раз не кивнул, не сделал делового жеста. Просто смотрел. И в этом молчаливом взгляде читалось всё: и признание её мастерства, и понимание той сцены, что только что разыгралась с Валерой, и нечто более глубокое, тёплое и человеческое, что никак не вязалось с образом железного генерального.

Когда круг коллег ненадолго разомкнулся, он сделал два шага в её сторону.

– Крылова, – его голос прозвучал тихо, но настолько внятно, что перекрыл фоновый гул зала. – Вы только что провели мастер-класс не только по региональному менеджменту, но и по искусству публичных выступлений. Поздравляю.

– Спасибо, Алексей Викторович, – она почувствовала, как снова вспыхивают щёки, но уже не от адреналина. – Это заслуга команды.

– Команды, – он повторил за ней, чуть заметно скосив взгляд в сторону двери, куда ушёл Валера. И в его интонации прозвучала тонкая, едва уловимая нота – не насмешки, а скорее... сожаления. – Да. Команды. Цените это.

Он отпил глоток воды, его взгляд снова стал острым и деловым.

—Завтра на стратегической сессии жду ваших идей по масштабированию этой модели. Не подведите.

– Не подведу, – твёрдо сказала Лада.

Он кивнул и отвернулся, растворившись в толпе гостей, будто давая ей понять, что личная часть разговора исчерпана. Но сказанного было достаточно. Его слова «ценю» и «не подведите» звенели в её ушах контрастными аккордами после ядовитого «душно» от Валеры.

Вернувшись в номер одна (Валера так и не появился, видимо, «проветривался» уже в казино), Лада сбросила туфли и подошла к огромному окну. Ночь опустилась на Сочи, огни гостиниц и тёмный рельеф гор сливались в одно сказочное полотно. Она прижала ладонь к холодному стеклу.

Сегодня случилось важное. Она не просто блеснула на корпоративном небосклоне. Она увидела двумя разными взглядами два разных своего отражения. В глазах Алексея Громова – ценность, сила, блеск. В глазах своего жениха – раздражение, усталость, тень.

И в тишине пустого номера, под мерный шум прибоя, к ней пришла простая и ужасающая мысль: быть ценной для сильного, умного начальника, оказалось бесконечно теплее, чем быть обузой для слабого, но своего человека.

Она сжала руку в кулак, и обручальное кольцо впилось в соседний палец, оставляя красный, болезненный след. След вопроса, на который теперь ей предстояло найти ответ.

Глава 5

Тишина в номере была густой, бархатной, настоящей на усталости за день и на тяжком, почти физическом осадке от вечера. Лада даже не повернулась, когда за полночь дверь с громким щелчком отперлась, и в комнату ввалился Валера. Он пытался двигаться тихо, с преувеличенной осторожностью пьяного человека, но каждое его движение – скрип паркета, стук упавшего ключа, тяжёлое дыхание – резало тишину, как стекло. От него пахло сигаретным дымом, перегаром и чужим, дешёвым парфюмом – запах казино и проигранной ночи.

Лада лежала с закрытыми глазами, изображая глубокий сон. Ждать его она не стала – не из принципа, а потому что её силы, всегда казавшиеся иногда неиссякаемыми, исчерпались до самого дна. Эмоциональная яма, выкопанная его равнодушием и подчеркнутая молчаливым признанием Громова, требовала немедленного покоя. Она отключилась, как система в аварийном режиме.

Утром солнечный свет, упрямо пробивавшийся сквозь жалюзи, разбудил её раньше будильника. Она открыла глаза и первым делом увидела его: Валера спал на краю кровати, не снимая вчерашней одежды, один ботинок всё ещё был на ноге. Лицо его казалось опухшим и незащитным в беспробудном сне. Не пробудилось ни раздражения, ни жалости – лишь пустота. Глухая стена усталого безразличия.

Она осторожно поднялась и отправилась в душ. Струи горячей воды смывали остатки ночной тяжести, а прохладные – бодрили кожу и мысли. Сегодня была стратегическая сессия. Рабочий день. Её территория.

Она надела собранный с вечера комплект: узкие кремовые брюки, шёлковую блузу оттенка старой розы, лёгкий пиджак. Аккуратно уложила волосы в низкий, элегантный пучок, подчеркнула глаза тонкой подводкой. Из зеркала смотрела на неё не невеста, терпящая унижение, а специалист экстра-класса. «Так лучше», – подумала она, едва заметно кивнув своему отражению. Она не стала будить Валеру. Не хотелось начинать день с кислого послевкусия вчерашних упрёков и оправданий. Пусть спит.

В конференц-зале, за чашкой крепкого кофе, она снова стала Ладой Крыловой. Её мозг, отточенный и дисциплинированный, переключился на задачи. Она предлагала идеи, парировала возражения, виртуозно строила прогнозы. Взгляды коллег снова задерживались на ней – теперь с интересом и ожиданием. Она была на взлёте, и это ощущение было чистым, почти наркотическим.

И её собственный взгляд, против воли, снова и снова находил в зале одну и ту же точку. Алексей Громов.

Он вёл сессию, и это было зрелище. Сосредоточенный, резкий, блестяще эрудированный, он раскладывал сложнейшие стратегические пасьянсы с лёгкостью шулера. Он слушал, и это было активное, поглощающее внимание. Когда он смотрел на выступающего, казалось, он видит не только слова, но и сам ход их мысли. Он был красив – не классической, актёрской красотой, а красотой сосредоточенной силы, интеллекта, который отпечатывался в каждом жесте, в твёрдом овале скул, в уверенном изгибе бровей.

«Какой он... совершенный инструмент. И человек», – пронеслось в голове Лады, пока она сама отвечала на его вопрос по динамике рынка. И тут же, следом, болезненным уколом: «Какая же я дура».

Она думала не о нём, а о той, пока неведомой женщине. О той, которая будет иметь право ждать его дома. Которой он, возможно, утром принесёт чашку кофе в постель. Которой будет рассказывать не о квартальных отчётах, а о чём-то своём, глупом и важном. Которая будет рожать его детей – умных, наверное, и сильных. «Ей повезёт», – с горечью подумала Лада.

«Он надёжный. Он не развалится от успеха жены. Он будет им гордиться. Он не станет пить и играть в рулетку, если в его жизни будет такая женщина... как...»

Она резко оборвала свою мысль, едва не споткнувшись на слове. Стыдливо, как будто её поймали на краже. Она украдкой взглянула на обручальное кольцо, тускло поблёскивающее под светом софитов. Нет. Нечего ей мечтать о чужих мужчинах. О недостижимых вершинах. У неё есть своя жизнь. Свой выбор. Свой Валера, который сейчас, вероятно, только потягивается в номере, с похмелья и в поисках завтрака.

На кофе-брейке она стояла у окна, снова глядя на горы, пытаясь прогнать навязчивые образы. Рядом остановился Олег, питерский коллега.

– Лада Сергеевна, вы сегодня снова всех на уши поставили. Завидую вашей ясности мысли. И, если не секрет, где вы энергию берёте? – он улыбался дружески.

Лада ответила с легкой улыбкой.

—Кофе, Олег. Много кофе и... отсутствие отвлекающих факторов, – сказала она, и её собственные слова прозвучали для неё горькой насмешкой.

В этот момент через зал проходил Алексей Громов, направляясь к группе топ-менеджеров. Его взгляд на миг встретился с её – и он едва заметно, не для окружающих, улыбнулся. Не начальнической, одобрительной улыбкой. А короткой, человеческой, чуть усталой. Как будто делился с ней знанием, как тяжело иногда быть самым умным в комнате.

Её сердце сделало нелепый, предательский кульбит. Она быстро отвела глаза к своей чашке, чувствуя, как по щекам разливается предательский жар.

«Не твоё», – жёстко продиктовала она себе, сжимая пальцы вокруг керамики так, что костяшки побелели. «Он – чужая мечта. А у тебя есть своя, пусть и немного разбитая о реальность. Иди и работай. Это всё, что у тебя пока осталось».

И она пошла обратно в зал, выпрямив спину, чтобы снова стать несокрушимой Ладой Крыловой. Но где-то глубоко внутри, под слоями целеустремлённости и воли, уже треснула тончайшая нить, та самая, что связывала её с мыслью, что её нынешняя жизнь – это и есть предел всех её возможных желаний.

Глава 6

Утренняя сессия завершилась, оставив после себя приятную умственную усталость и щемящее чувство пустоты, которое всегда наступает после концентрации. Коллеги расходились, договариваясь о встрече на обеде или у бассейна. Лада медленно собрала свои вещи, откладывая момент возвращения в номер. Она хотела тишины, моря, простора – всего того, что было полной противоположностью душному миру цифр и стратегий.

Но тишины не получилось.

В номере царил характерный полумрак и беспорядок, пахло спёртым воздухом и сном. Валера, бледный и помятый, сидел на краю кровати, только что поднявшись, и сонно тыкал пальцем в экран телефона, видимо, изучая меню ресторанов.

– О, жива, – хрипло бросил он, не глядя. – Я думал, ты уже на каком-нибудь закрытом брифинге для избранных.

Лада молча прошла мимо, поставив папку на стол. Она сняла пиджак, и её движения были точными, почти механическими.

– У всех сейчас свободное время до вечернего ужина, – сказала она, наконец. – Я хочу съездить в город. На набережную. Искупаться, наверное.

Валера фыркнул.

—Искупаться? Серьёзно? Лад, тут море как парное молоко, толпы туристов. Да и что там смотреть-то? Одно и то же.

– Я не была в Сочи пятнадцать лет, – тихо ответила она, чувствуя, как внутри начинает закипать раздражение. – Хочу просто погулять. Без плана.

– Ну, гуляй, – он, наконец, поднял на неё глаза. В них не было ни интереса, ни желания составить компанию. Была лишь собственная озабоченность. – А у меня, вообще-то, дел по горло.

Лада невольно улыбнулась – горько и криво.

– Дел? В казино?

Он вспыхнул, вскочил.

– Не в казино, а... Я изучаю стратегию! Ты же не понимаешь в этом ничего. Вчера мне просто не везло, это статистика. А сегодня – мой день. Я чувствую. Это последний шанс отыгаться и выиграть по-крупному. Представляешь, если я сорву куш? Мы могли бы...

– Мы могли бы что, Валера? – её голос прозвучал ледяно, и она сама удивилась его тону. – Купить новую машину, на которой ты будешь кататься с друзьями? Съездить на море, где ты опять будешь сутками пропадать за игровыми столами? В чём смысл твоего «куша», если ты ради него готов проиграть всё остальное? Проиграть меня?

Он смотрел на неё с искренним, обидчивым недоумением, будто она говорила на незнакомом языке.

– Ой, да что ты драму разводишь! Я же для нас стараюсь! Чтобы ты не пахла как лошадь, чтобы мы могли себе позволить... – он замялся, не найдя продолжения.

– Позволить что? – настаивала Лада, подходя ближе. Её карие глаза, обычно такие спокойные, теперь сверкали. – Тишины? Покоя? Внимания? Ты не стараешься для «нас», ты развлекаешь себя. И ты даже не видишь, что сегодня утром я снова вытащила нашу общую репутацию, пока ты отсыпался после «статистики»! Ты даже не спросил, как всё прошло.

– Да я знаю, что всё прошло отлично! Ты же всегда лучшая! – выкрикнул он, и в его голосе прорвалась та самая зависть, которую он так плохо скрывал. – Тебе всё мало, да? Моёго восхищения? Тебе нужно, чтобы весь мир лёг у твоих ног, включая твоего генерального директора, который на тебя смотрит, как...

Он запнулся, увидев, как резко изменилось её лицо. Он случайно, пьяной ухмылкой судьбы, попал в самую точку.

– Как? – прошептала Лада. – Договаривай.

– Да как на желанную женщину! – выпалил он. – И ты это видишь. И тебе это льстит. А я тебе, выходит, уже не нужен? Так, инвентарь устаревший?

В комнате повисла тяжёлая, звонкая тишина. Лада смотрела на него – на этого знакомого незнакомца с воспалёнными глазами и искажённым обидой лицом. Все иллюзии, все надежды «до лучших времён» с треском рассыпались в этом дешёвом номере отеля, пахнущем хлоркой от уборки и потерянными возможностями.

– Ты нужен мне, – сказала она тихо, скорее для себя, – как... старая рана. Которая всё чаще ноет, отвлекает и мешает жить.

Она развернулась, схватила сумку и вышла, хлопнув дверью так, что стекло в номере задребезжало. Она не плакала. В груди бушевал белый, холодный гнев, выжигающий всё начисто.

Она почти бежала по коридору, не видя ничего перед собой, и выскочила в холл, где царил прохладная, благопристойная атмосфера. Она едва не врезалась в чью-то высокую, подтянутую фигуру.

– Осторожнее.

Голос был низким, спокойным. Она подняла голову. Перед ней стоял Алексей Громов. Не в пиджаке, а в простых тёмных джинсах и светлой рубашке с закатанными до локтей рукавами. В его руках был планшет и ключ-карта. Он смотрел на неё внимательно, оценивающе, заметив её сжатые кулаки, раздувающиеся ноздри, блеск невыплаканных слёз гнева в глазах.

– Простите, – выдохнула Лада, отступая на шаг и пытаясь взять себя в руки. – Я... не смотрела куда бегу.

— Не беда, – ответил он. Его взгляд скользнул по её лицу, в его глазах не было любопытства, но было понимание. Точное, почти хирургическое. Он видел не просто расстроенную сотрудницу. Он видел эту сцену, эту боль. – Похоже, вы решили не тратить время на отдых и устроили себе ещё один стратегический мозговой штурм. Только... с повышенным эмоциональным фоном.

Его слова не были насмешкой. Это была констатация. И в этой констатации было странное облегчение.

– Что-то вроде того, – горько улыбнулась она, отводя взгляд. – Неудачный переговорный процесс.

– С самым сложным контрагентом, – тихо добавил он. И дал паузу, будто позволяя ей решить, продолжать ли этот разговор. Потом спросил, глядя куда-то мимо неё, в окно: – Вы сказали вчера, что хотели посмотреть город. Удалось?

– Нет, – вырвалось у неё. – Не удалось.

Он кивнул, как будто так и знал.

— У меня как раз образовалось окно. Я собирался проехаться к морю, от звонков подальше. Если вам, конечно, не претит идея прогулки с генеральным директором, – он произнёс это с лёгкой, почти неощутимой самоиронией.

Лада замерла. Это была опасная территория. После только что случившегося, в её уязвлённом состоянии... Но альтернатива – вернуться в номер к Валере или бродить одной, пережёвывая обиду, – была в тысячу раз хуже.

– Мне не претит идея прогулки, – сказала она честно. – Только... давайте без разговоров о работе.

Уголок его рта дрогнул в подобии улыбки.

— Обещаю. Только море, солнце и крики чаек. Если они, конечно, не напомнят вам о квартальных отчётах.

Он сделал шаг в сторону выхода, жестом предлагая идти. Лада, с бешено колотящимся сердцем, но с неожиданно обретённым спокойствием в душе, сделала шаг навстречу. Она оставляла позади душный мирок своих разочарований. Впереди было море. И человек, который, кажется, не боялся ни её успехов, ни её поражений.

Глава 7

Они вышли из прохладной скорлупы отеля в ослепительное, горячее объятие сочинского дня. И с первой же секунды Алексей почувствовал нелепое, ликующее чувство, будто выиграл в ту самую рулетку, за которой пропадал её жених. Судьба, этот капризный дилер, неожиданно подкинула ему этот шанс – несколько часов вне игры, вне правил, вне своих же собственных запретов.

Он решил, сознательно и дерзко, надеть сегодня шоры. Забыть про кольцо на её пальце. Забыть про того мятого мужчину в номере. Сегодня она была просто Ладой. Женщиной, вышедшей из отеля с разгневанно блестящими глазами, которой нужен был глоток воздуха. И он давал ей этот воздух. Весь.

– Итак, – сказал он, когда они свернули с шумной улицы в тенистую аллею, ведущую к морю. – Тур «Не-для-всех-от-Громова». Главное правило – никаких слайдов, КРІ и обсуждения логистики. Нарушитель платит штраф в виде мороженого.

Лада улыбнулась, и это была первая за сегодня настоящая, не дежурная улыбка. Она расслабила плечи.

– Принимается. Хотя мороженое звучит как поощрение, а не наказание.

– Для трудоголиков – это именно наказание, – парировал он, ведя её дальше. – Расслабиться, получить удовольствие от простой вещи – для нас самая сложная работа.

Он повёл её не по набережной, забитой туристами, а по старым, менее людным улочкам, где воздух был гуще от запаха магнолий и влажного камня. Он показывал ей неприметную арку, где в пятнадцать лет продал свою первую рыбу. Рассказывал, как вон в том маленьком скверике они с друзьями, такими же амбициозными и голодными пацанами, строили планы о своём деле, попивая дешёвое пиво («Мы тогда думали, миллион – это предел мечтаний. Наивные»).

Он говорил о себе так, как не говорил, кажется, ни с кем за последние десять лет. Не Громов-директор, а Лёха – парень из провинции, который всего добивался сам и где-то в глубине души до сих пор немного тому парню удивлялся. Лада слушала, задавала вопросы, смеялась над его юношескими провалами, и он ловил её восхищённый, живой взгляд и чувствовал, как что-то холодное и вечно сжатое у него внутри начинает медленно, болезненно оттаивать.

Они сидели на камнях у маленького, почти дикого пляжа вдаль от основных тусовок. Море шумело, солнце играло в её каштановых волнах, распушенных теперь по ветру. И в этот момент он, нарушив своё же правило «ничего личного», спросил:

—А вы, Лада, о чём мечтаете? Когда остаётесь наедине с собой, без графиков и планов?

Она задумалась, глядя на горизонт. И он увидел, как её лицо, такое сосредоточенное и сильное днём, смягчилось, стало удивительно молодым и немного грустным.

—Вы сейчас рассмеётесь, – тихо сказала она.

—Попробую сдержаться, – пообещал он, но в его голосе не было и тени насмешки.

—Я мечтаю о семье, – выдохнула она, словно признаваясь в чём-то постыдном. – О большом, шумном доме. О детях.

Сердце у Алексея ёкнуло. Он ожидал услышать о новой должности, о расширении филиала, о профессиональных вершинах.

—Детях? – переспросил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

—Да. Я хочу... минимум троих, – она обернулась к нему, и в её карих глазах горела такая чистая, такая беззащитная надежда, что у него перехватило дыхание. – Чтобы было шумно, чтобы они ссорились из-за игрушек, бегали по утрам в нашу кровать. Чтобы пахло пирогами и красками, а не кофе и принтером. Глупо, да?

«Не твоё», – жёстко напомнил он себе. Но было уже поздно. Картина возникла перед ним с мучительной, болезненной чёткостью.

Трое детей. Девочка с её карими глазами и серьёзным взглядом, которую он будет учить играть в шахматы. Пацан-сорванец, на которого она будет смотреть со строгой улыбкой, пытаясь призвать к порядку. И самый младший, карапуз, спящий у неё на руках, пока она, усталая и прекрасная, будет встречать его дома...

Это была идеальная картина. Та самая, которую он, сам того до конца не осознавая, искал все эти годы. Сильная, умная женщина, которая хочет не просто быть рядом с сильным мужчиной, а строить с ним это общее пространство жизни. И дети – продолжение этой силы, этого ума, этой воли.

И тут мысленный луч в этой идиллической картине высветил не его лицо. А другое. Равнодушное, с утренней отечностью. И эти воображаемые, прекрасные дети – её глаза, её черты – внезапно обрели в его воображении чужие, размытые генетические черты. Не его.

Боль, которая сдавила ему горло и сердце, была настолько острой и физической, что он на миг закрыл глаза. Это было хуже, чем любая деловая неудача. Это было понимание, что ты видишь перед собой самое дорогое сокровище, самую желанную карту своего будущего, но она уже заштампована чужим именем. И ты опоздал. Опоздал всего на какие-то жалкие пять месяцев, на один неверный выбор, сделанный ею в момент усталости.

– Это не глупо, – наконец выдавил он, открыв глаза. Его голос был немного хриплым. – Это... самая амбициозная и важная цель. Создать мир. Вырастить людей. Куда сложнее, чем вывести филиал в топ.

Он посмотрел на неё, и его взгляд был теперь другим – не начальника, не попутчика по экскурсии. В нём была бездна нежности, сожаления и той самой, запретной боли.

—Трое детей... Им очень повезет с матерью.

Он встал, отряхнул руки, давая ей и себе время прийти в себя.

—Ладно, нарушитель. Вы заставили меня говорить о серьёзном. Теперь ваша очередь платить штраф. Два мороженных. Моё – пломбир в вафле. А ваше?

Алексей протянул ей руку, чтобы помочь подняться со скользкого камня. Она взяла её, и её пальцы были тёплыми и живыми в его ладони. Он держал её руку на секунду дольше, чем было необходимо, чувствуя подушечками пальцев твёрдый металл того самого кольца.

Он снова натянул на себя маску лёгкости, продолжил экскурсию, шутил. Но где-то глубоко внутри, в только что оттаявшей и вновь замороженной душе, бушевала тихая буря. Он увидел мечту. И понял, что она может навсегда остаться его несбывшимся сном и чужой реальностью.

Глава 8

Возвращение в отель было похоже на мягкое приземление из другого измерения. Шум города, смех, истории и та тихая, щемящая откровенность у моря остались за тяжелыми вращающимися дверями. В холле пахло дорогим паркетом, цветами и предстоящим официальным мероприятием. Реальность, со своими рамками и обязательствами, мягко, но настойчиво накрывала их с головой.

Алексей остановился у лифтов, его лицо снова стало маской вежливой, но непреодолимой дистанции.

—Спасибо за компанию, Лада. Это был... необычный и приятный перерыв в графике.

—Спасибо вам, Алексей Викторович, – ответила она, и имя-отчество прозвучало на этот раз чуть теплее, будто в него вплелась ниточка сегодняшней непринужденности. – За экскурсию и... за понимание.

Он лишь кивнул, и его взгляд на мгновение снова стал тем же – тёплым и человеческим. А потом дверцы лифта разъехались, и она скрылась в кабине, оставив его одного в мраморном вестибюле.

Лада поднялась в номер. Тишина. Беспорядок. Сумка Валеры валялась на том же месте. Его самого не было. Раньше это вызвало бы в ней тревогу, раздражение, потом гнев. Сейчас – лишь усталое равнодушие. Она не стала звонить, не стала искать. После того замечательного, живого дня, который подарил ей Алексей, она не хотела портить себе настроение. Не хотела снова погружаться в трясину обид и упрёков. У неё был прощальный ужин. Её последний аккорд на этой конференции.

Она приняла долгий душ, смывая песок и солёные брызги, и открыла шкаф. Её пальцы без колебаний нашли жёлтое платье. Шёлковое, цвета спелого абрикоса или нежного заката. Оно было простого кроя, но сидело на ней безупречно, подчёркивая стройность стана, теплоту кожи, перекликаясь с медовыми отсветами в каштановых волнах и делая карие глаза ещё глубже и ярче. Она надела босоножки на тонком, высоком каблуке, почти не стала пользоваться косметикой – только тушь, немного румян и лёгкий блеск. Сила была сегодня не в броской красоте, а в ощущении внутренней гармонии, которое она хотела сохранить.

Зал для ужина сиял хрусталём и серебром. Коллеги, преображённые вечерними нарядами, смеялись, обменивались впечатлениями. И когда Лада вошла, на неё обрушился шквал искренних комплиментов.

—Лада, вы прекрасны! Этот цвет – вам так идет!

—Не только отчёты покорять, но и так выглядеть – несправедливо!

—После вашей презентации и такого выхода – вам теперь в совете директоров место гарантировано!

Она улыбалась, благодарила, ловила на себе восхищённые взгляды мужчин и оценивающие – женщин. Но её собственные глаза, будто компас, искали в зале одного человека.

Он стоял у бара, беседуя с группой топ-менеджеров, в идеальном тёмном костюме, его лицо было напряжённым, почти угрюмым. Он кивал в ответ на реплики, но взгляд его был отсутствующим, будто смотрящим куда-то внутрь себя. Он заметил её – скользнул по жёлтому платью, на миг задержался на её лице, и в его глазах мелькнуло что-то сложное: признание её красоты, но и тень той самой боли, которую она уловила днём у моря. Затем он снова отвернулся к собеседникам, сделав глоток из бокала. Его отстранённость была таким контрастом всеобщему восхищению, что Ладе стало не по себе. Что-то было не так.

Ужин прошёл в лёгком, но натянутом для неё вакууме. Она слышала разговоры вокруг, но сама участвовала в них механически. Она видела, как Валера, наконец, появился – помя-

тый, но принаряженный, – и устроился за дальним столиком с такими же, как он, любителями азартных развлечений. Он даже не попытался подойти.

А потом заиграла музыка. Не громкая, танцевальная, а та самая, лиричная и немного грустная мелодия, под которую хочется не отплясывать, а просто медленно кружиться, растворяясь в звуках. Пары начали выходить на небольшую паркетную площадку.

И вот он, Алексей, внезапно появился перед её стулом. Он не улыбался. Его лицо было серьёзным, почти суровым.

– Лада, – сказал он тихо, но твёрдо, перекрывая музыку. – Разрешите пригласить вас на танец. Последний танец перед отъездом. Как дань уважения... лучшему управленцу компании.

Это была не просьба. Это была почти что директива, но произнесённая таким тоном, в котором слышалась не сила власти, а сила какого-то глубоко личного, отчаянного желания. Она, не сказав ни слова, положила свою ладонь на его протянутую руку.

И он повёл её на паркет. Его рука легла на её талию уверенно, но без фамильярности, её рука опустилась на его плечо. Расстояние между ними было вежливым, но в нём ощущалась невидимое, магнитное притяжение. Они начали двигаться.

Он вёл безупречно, чувствуя каждый такт музыки. Но он не смотрел ей в глаза. Его взгляд был прикован к точке где-то за её плечом, челюсть напряжена.

—Вы сегодня... ослепительны, – прозвучали наконец, сквозь стиснутые зубы, слова комплимента, но голос был полон мрачной горечи.

—А вы... сегодня очень угрюмы, Алексей Викторович, – рискнула она.

Он на миг встретился с ней взглядом, и в его глазах бушевала буря.

—Угрюм? Возможно. Я сегодня совершил стратегическую ошибку. Дал себе послабление. Увлёкся... красивой перспективой. А хороший управленец знает: самая опасная ловушка – это желание того, что тебе не принадлежит и принадлежать не может.

Он сказал это прямо, без намёков, кружа её под грустные переливы саксофона. И каждое слово падало ей в душу тяжёлым, ясным грузом. Он говорил о ней. О них. О том, что было и чего не могло быть.

– Иногда, – прошептала она, глядя куда-то в область его воротника, – кажется, что единственное, что нам действительно принадлежит – это наши мечты. Даже если они... о чём-то недостижимом.

Он крутанул её, притянул чуть ближе на мгновение, и она почувствовала тепло его тела, запах дорогого парфюма и дикую, обузданную силу его отчаяния.

– Мечты – это роскошь, Лада, – сказал он ей прямо в ухо, и его губы почти коснулись её виска. – А мы с вами – люди, привыкшие к дисциплине. К выбору из возможного. К принятию реальности, какой бы горькой она ни была.

Музыка замедлялась, подходя к печальному, затяжному финалу. Он остановился, всё ещё держа её за руку. И наконец, посмотрел на неё – долгим, пронзительным, прощающим взглядом, в котором была вся боль его неозвученного желания и вся твёрдость его решения.

—Спасибо за танец. И за день. Удачи вам... во всём. И с теми... тремя детьми. Искренне.

Он отпустил её руку, слегка, по-официальному поклонился и, не оборачиваясь, направился прочь из зала, оставив её одну посреди паркета под последние аккорды мелодии. Лада стояла, чувствуя, как жёлтое платье, минуту назад бывшее одеждой победительницы, теперь кажется просто тканью. А на пальце обручальное кольцо жгло кожу, как клеймо чужого, безрадостного выбора, который внезапно стал невыносимо тесен по сравнению с тем миром возможностей, что мелькнул перед ней и навсегда скрылся в дверном проёме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.